

— Вужаснюк? У тебя что, в голове вода булькает? Ещё и в слизь превращаться будешь? Не твой ли собственный пистолет тебе в лицо прилетел? — Сказав это, Ли Ле сам же громко рассмеялся.

Ли Цзя потерял дар речи. К чему он вообще это всё сболтнул? С варварами нельзя разговаривать по душам. Если не считать того, что сегодня утром его левая рука слегка онемела, никаких особенных ощущений не было.

— После выпускных экзаменов в какую школу собираешься? — Ли Ле обычно редко вмешивался в будущие планы Ли Цзя. Но выпускные экзамены — это всё-таки поворотный пункт в судьбе человека, поэтому из заботы о родителях Ли Цзя он всё же решил спросить. Пусть Ли Цзя и не поступит в престижный университет, затесаться в какой-нибудь заштатный вуз пятого сорта, где не смотрят на баллы и учат чисто практическим навыкам, он вполне сможет.

— После выпуска я пойду в армию, стану пилотом меха. — На лице Ли Цзя чётко отпечаталась несбыточная мечта: среди миллионов солдат в одиночку уничтожить вражеский флагман. На самом деле лицо у него просто напросто самодовольно лоснилось.

Ли Ле невольно опешил: — Ты собрался в армию? Да ещё и в мехводы, которые идут первыми на пушечное мясо? С твоим-то уровнем... — Он скривил губы. В игры про космические сражения и то играть толком не умеет, а ещё в мехводы метит! И продолжил: — Управление мехом — это тебе не игра, тут физическая сила нужна. В своё время я в спецназе в рукопашной с десятком ветеранов один на один расправлялся играючи, и то такой выносливости хватало максимум на час интенсивного боя в мехе. Не то чтобы я тебя недооценивал, но ты? Если продержишься пять минут — уже чудо. Многие сложные манёвры ты просто не сможешь выполнить, те приёмы, что я тебе показывал, ты применить не сумеешь. Начнётся бой — и ты станешь для вражеского пилота лишь ступенькой к славе. Черт бы побрал этих режиссёров, сплошь бессовестные ублюдки.

Большинство современных фильмов живописали индивидуальный героизм на войне: как один человек спасает целый взвод, как некий ас пилотирования в разгар свалки уничтожает несколько вражеских крейсеров, и прочие преувеличения. Но Ли Ле, который сам служил и воевал, знал: такие истории не то чтобы совсем невозможны, но происходят до того редко, что среди тысяч больших и малых сражений подобные киношные сюжеты в реальности можно пересчитать по пальцам одной руки. Популярность игр про мехи и подобных фильмов была неразрывно связана с попустительством со стороны Федерации. Пострадавшими от этого становились такие подростки, как Ли Цзя, которые слишком легкомысленно смотрели на войну и человеческую жизнь. Сколько раз Ли Ле видел в былые годы зеленых новобранцев, полных пылких надежд: попадая на поле боя, от первых же залпов они в ужасе мочились в штаны.

От этих слов у Ли Цзя лицо запылало, и он с гневом выпалил: — Вот погоди, я обязательно стану асом! И буду круче, чем ты в прошлом! — За эти годы он так толком ничему у Ли Ле и не научился, зато задирать нос и строить из себя крутого нахватался на славу.

Странно, почему дядя-красавчик замолчал? Неужели его так потрясло моё дерзкое заявление?

Не обращая внимания на пустые фантазии Ли Цзя, Ли Ле бросил на него взгляд, полный тоски, вздохнул и сказал: — И что толку, если ты будешь сильнее меня? Сильнее меня полным-полно народу. Видишь эту руку? — С этими словами он приподнял культю. — Вот какова цена. Они решили, что я мертв, и ушли — вот почему все мои боевые товарищи погибли, а я остался жить. — Другой рукой он схватил бутылку, сбил большим пальцем крышку и сделал пару жадных глётков.

Ли Цзя слегка опешил. Кто же тот мастер, который смог уделать Ли Ле до такого жалкого состояния? Ли Цзя собственными глазами видел, как Ли Ле участвовал в мех-дуэлях в игре: в девяноста пяти случаях из ста он укладывал противника на лопатки, и даже если попадался сильный игрок, всё равно обычно сводил бой к ничьей. Короче говоря, побед было куда больше, чем поражений.

Раньше Ли Ле никогда не заводил при Ли Цзя разговор о потерянной руке, и даже когда Ли Цзя сам заискивающе расспрашивал, Ли Ле только матерился и прогонял его. А сегодня заговорил об этом сам — судя по всему, решение Ли Цзя пойти в армию задело его за живое.

— Ладно, раз уж ты хочешь в армию — так и быть. Если в течение двух месяцев сможешь хоть раз выиграть у меня в мех-бойце в игре, то ступай. А если не сможешь — я тебе ноги переломая, но в эту чертову армию не пущу! — Зловеще бросив эти слова, он с головой нырнул в виртуальную капсулу.

Ошеломленный Ли Цзя остался стоять на месте. Он нутром чувствовал: на этот раз Ли Ле настроен предельно серьезно. Потерять жизнь? Расхожее правило выживания Ли Ле гласило: да что значат пара синяков по сравнению с потерей жизни?

Война? Полноте, шутите, уже больше десяти лет никаких войн не было, с чего бы это вдруг мне в неё вляпаться? К тому же в последние годы на Луне Альянс N.T. первым выдвинул совместный план освоения космоса, и работа его родителей как раз была частью этого проекта. А он сам просто хотел пойти в армию, чтобы вживую пощупать настоящие мехи — вот это драйв!

Подобные мысли Ли Цзя разделяло абсолютное большинство нынешних подростков. Первая же реклама при входе в игру про мехи гласила: Хочешь бросить вызов самому себе? Хочешь воочию прочувствовать мощь меха? Вжух! — и рядом с рядами футуристических боевых машин застывали длинноногие красотки в военной форме: Они ждут твоего появления.

Самая что ни на есть бесстыдная вербовочная реклама, но каждый год немало чистых душой юнцов сбиваются с пути.

Приближение экзаменов Ли Цзя абсолютно не волновал. Всё равно он такой, какой есть: лишний раз заглянешь в книгу — баллов не прибавится, заглянешь на раз меньше — не убудет. Черт побери, в этом и заключается высший дзен экзаменов. Однако Ли Цзя начал тревожиться

за свою левую руку: от левого плеча до кончиков пальцев она ощущалась всё более онемевшей. Онемение явно распространялось, грозя полностью лишить руку чувствительности, да и врачи в больнице пару дней назад ничего внятного не обнаружили.

Ли Цзя лежал на кровати и снова и снова разглядывал свою левую руку, трогал её другой рукой, пощипывал. Чувствительности действительно не осталось. Ли Цзя начал потихоньку паниковать: неужели он подхватил какую-то неизлечимую болезнь? Он принялся сгибать пальцы — и вдруг тот палец, который он согнул, вывернулся под невероятным углом и просто-напросто сломался...

Ли Цзя мгновенно подорвался с кровати, растеряв всю свою недавнюю безмятежность. Творилось какое-то безумие, небеса свидетели, он ведь даже не прикладывал силы! Ещё более жутко было то, что остальные четыре пальца левой руки начали одновременно извиваться и сгибаться. От страха сердце Ли Цзя чуть не выпрыгнуло из груди: в конце концов его пальцы вместе со сломанным сложились в жест победы. Но Ли Цзя точно знал, что это движение он не совершал. Зрелище было совершенно непостижимым.

На ладони вдруг разверзлась щель, кожа вокруг неё зашевелилась, судорожно сокращаясь, и в конце концов образовала верхнюю и нижнюю пухлые губы. Растянув рот в ухмылке, эта штука продемонстрировала зубы и язык, а на указательном и среднем пальцах выросли два глаза. Зрелище было до отвращения причудливым.

— Я тут твою руку сожрал, извини, пожалуйста. — Голос прозвучал тонко, но с ноткой озорства.

— Ты... ты... ты кто такой? — дрожащим голосом спросил Ли Цзя.

— Не знаю!

— Ты... откуда ты взялся?

— Не знаю!

— Ты что за хрень?

— Не знаю!

Ха-ха! К у меня вселился какой-то круглый дурак!

Страх на грани безумия заставил Ли Цзя действовать почти рефлекторно: он схватил столовый нож с подоконника и со всего маху вонзил в левую руку-монстра.

Пожалуй, это был самый быстрый удар за всю его жизнь. Когда до цели оставалось всего несколько сантиметров, левая рука молниеносно разделилась на две маленькие ручки, те сложились ладонями вместе и в мгновение ока перехватили падающее лезвие. Поза до боли напоминала приём пустых рук против обнажённого клинка, а следом мизинец превратился в миниатюрный ножичек и стремительно чиркнул по лезвию ножа.

Цзинь-цзинь-цзинь-цзинь-цзинь! В руке у Ли Цзя осталась лишь рукоятка, а клинок разлетелся на пять равных частей.

— Сколько раз махнул? — С этими словами эта мерзкая пасть самодовольно скривилась.

Увидев такой результат, Ли Цзя уже не смел и шевельнуться...

...

— Какая быстрая рука! — Долго проглотив обиду, он смог выдавить из себя лишь эту фразу из какого-то фильма.

— Ли Цзя, тебе не нужно бояться, на самом деле мы — одно целое. Раз уж ты не можешь меня уничтожить, почему бы нам не сотрудничать? Сосуществование — вот конечная цель любой жизни.

— Да чтоб я с тобой объединился, чур тебя! Ты просто захватчик, я пойду в больницу и отрежу тебя, поганый ты червяк из батата в карамели!

Ли Цзя, может, и не блистал умом, но дураком точно не был — стоило немного подумать, как он сообразил, откуда взялся этот монстр.

— Тебе лучше этого не делать. Я выживаю за счёт питательных веществ из твоей крови. Отрежешь меня — и я засохну насмерть.

— Да кому есть дело до твоей шкуры?

...

— Тебе лучше этого не делать. Если ты так поступишь, то лишишься руки. Навсегда.

— Я её уже лишился, — злобно огрызнулся Ли Цзя.

— Похоже, ты меня не понял. Я могу вернуть тебе контроль над этой рукой. К тому же я могу сильно помочь тебе в работе. — С этими словами левая рука снова разделилась на восемь

точно таких же рук.

— Ну как? А ещё можно вот так! — Все восемь рук превратились в восемь ножей для фруктов, нацеленных на восемь смертоносных точек Ли Цзя.

— Если ты будешь упорствовать и попытаешься меня отрезать, я лишу тебя возможности двигаться.

— Спокойно, спокойно, импульсивность — это дьявол! — Ли Цзя откинулся назад, стараясь держаться как можно дальше от ножей, замерших прямо перед его лицом и возле ушей. Между ножом для фруктов и сладким пряником — был ли у Ли Цзя вообще выбор?

Впервые в жизни он осознал, каким жутким холодным оружием может быть обычный нож для фруктов...

<http://bllate.org/book/22025/2289723>